

УДК 82.42

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.17>

Т. В. Марченко

КУЛЬТУРНЫЙ РЕСАЙКЛИНГ СОВЕТСКОГО В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье рассматриваются лингвосемиотические особенности культурного ресайклинга советского в интернет-мемах. В качестве концептуальной рамки исследования выбран культурный ресайклинг, позволяющий проанализировать приобретаемые символическими и прецедентными элементами советского прошлого функциональные смыслы сквозь призму процесса культурной переработки в современном дискурсивном пространстве. Междисциплинарный характер заявленного предмета исследования обусловил использование приемов системного функционального мультимодального анализа семиотически осложненных текстов, структурно-семантического и дискурсивного методов анализа.

Интернет-мемы, являющиеся интегративным поликодовым семиотическим единством, характеризуются имманентной открытостью как на информативно-смысловом, так и на прагматическом уровнях. Любой из используемых кодов потенциально может инкорпорировать реминисценции советской эпохи. Основным критерием отбора практического материала исследования послужило наличие в прецедентном элементе, получившем вербальную или невербальную реализацию в интернет-меме, семантического компонента «имеющий отношение к СССР, советский». Анализ специфики культурного ресайклинга культурно-исторического наследия советской эпохи и его использования в интернет-мемах выявил несколько сфер / элементов формы / объектов, имеющих наиболее высокую частотность актуа-

лизации: 1) шрифты, надписи, плакаты; 2) артефакты вокально-музыкального творчества; 3) глуттонические прецеденты («вкус детства»); 4) кино- и мультфильмы; 5) артефакты повседневности. По каждой из выявленных категорий детализирован круг используемых вербальных / невербальных прецедентных элементов, охарактеризованы структурно-семантическая специфика полимодальных единиц, типовые семантические модели построения, особенности новых функциональных смыслов и прагматический потенциал использования (как в частных контекстах, так и с точки зрения формирования мематических комплексов). Делается вывод о том, что наряду с ностальгическими мотивами, ресайклинг советского прошлого в интернет-мемах характеризуется перспективными тенденциями развития функциональных смыслов и актуализации в конструировании современных дискурсивных практик.

Ключевые слова: советская культура, культурный ресайклинг, интернет-мем, поликодовый текст, семиотически осложненный текст, прецедентный феномен, медиакommunikация.

Для цитирования: Марченко Т. В. Культурный ресайклинг советского в интернет-мемах: лингвосемиотическая интерпретация // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 505–518. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.17

Tatiana V. Marchenko

CULTURAL RECYCLING OF THE SOVIET IN INTERNET MEMES: SEMIOTIC LINGUISTIC INTERPRETATION

The article studies linguo-semiotic features of Soviet cultural recycling in Internet memes. Cultural recycling chosen as the conceptual framework of the study fosters the analysis of functional meanings acquired by symbolic and precedent elements of the Soviet past in terms of cultural processing in the modern discourse space. The interdisciplinary nature of the subject preconditions the use of elements of a systemic functional multimodal analysis of semiotically complicated texts, structural-semantic and discourse methods of analysis.

Internet memes, which serve as integrative polycode semiotic unities, are characterized by immanent openness both at the informative-semantic and pragmatic levels. Any of the codes used could potentially incorporate reminiscences of the Soviet era. The main criterion for the selection of practical research material was the presence of the semantic component “related to the USSR, Soviet” in the precedent element actualized verbally or non-verbally in an Internet meme. The analysis of cultural recycling of the cultural and historical heritage of the Soviet era and its use in Internet memes revealed several spheres / form elements / objects that have the highest frequency of actualization:

1) fonts, inscriptions, posters; 2) artifacts of music legacy; 3) gluttony precedents (“the taste of childhood”); 4) movies and cartoons; 5) everyday life artifacts. Each of the categories is specified in terms of the range of verbal / non-verbal precedent elements used, structural and semantic features of polymodal units, typical semantic construction models, new functional meanings and the pragmatic potential of use (both in certain contexts and generally as regards the memetic complexes). It is concluded that along with nostalgic motifs, the recycling of the Soviet past in Internet memes is characterized by prospective trends in the development of functional meanings and actualization in the construction of modern discourse practices.

Key words: Soviet culture, cultural recycling, Internet meme, polycode text, semiotically complicated text, precedent phenomenon, media communication.

For citation: Marchenko T. V. Cultural recycling of the Soviet in internet memes: semiotic linguistic interpretation // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 505–518. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.17

Чтобы увидеть профиль эпохи, надо лишь отойти в сторону.

Станислав Ежи Лец,
из книги «Непричёсанные мысли»

Символические системы коммуникации советской эпохи зиждились на определенной иерархии культурных постулатов, в той или иной мере определявших формат и особенности коммуникативного взаимодействия. Каждый индивид в отдельности и все общество в целом были включены в создание символьного мира эпохи. Этот мир во всем своем многообразии воплощался на материальном и нематериальном уровнях в качестве физических объектов, коллективно разделяемых норм и ценностей, практик социальной жизни, общепринятых способов действия и форм поведения. Советская действительность служила моделирующей системой, на основании которой субъект коммуникации не только моделировал в своем сознании тот или иной фрагмент мира, но и порождал информационные потоки, развивал семиотические процессы и способствовал укреплению существовавшего символического мира. Смена советской эпохи и, как следствие, смена символических миров не означают полный отказ от символического наследия, которое, подвергшись в некоторой степени энтропии смысла и силы воздействия, стало частью современной действительности и дискурсивных практик.

В рамках гуманитарного знания осмыслением культуры советской эпохи и ее трансформации в современном контексте занимаются разные предметные области. В числе исследований, посвященных анализу обозначенного объекта с позиции дискурсологии, следует назвать монографии «Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra» [51], «Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого» [49], «Советское прошлое и культура настоящего» [50], и иные научные работы: «Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти» [2], «Ностальгия по советскому в современном медиaprостранстве» [13], «Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах» [8] и многие другие. Примечательно, что лейтмотивом многих научных трудов является изучение феномена ностальгии по советскому прошлому.

Классическая трактовка ностальгии как «тоски по родине, а также вообще тоски по прошлому» [43, с. 535], задает психологический ракурс анализа рассматриваемых явлений. Исследование дискурсивных феноменов в контексте душевного переживания с отрицательными коннотациями, на наш взгляд, не обеспечивает объяснительной силы происходящим процессам знакового структурирования памяти.

В работах, посвященных анализу социокультурной реальности и происходящих в ней процессов в семиотической парадигме, фигурирует понятие «культурный ресайклинг», под которым принято понимать цикличное обращение как материальных, так и нематериальных ценностей в культуре, включающее фазу максимальной прагматической релевантности и активного использования, сменяющуюся отказом, забвением на неопределенный срок, последующей трансформацией и актуализацией в дискурсивной практике [52]. В детальном обзоре истории термина-метафоры с 1960-х до конца 1990-х годов В. Ю. Вьюгин прослеживает формирование его «основных интерпретационных матриц и противоречивой аксиологии» [5]. Так, исследователь отмечает, что уже с начала 1980-х годов ресайклинг стал стабильно «синонимизироваться» с интертекстом и укладываться с ним в общую таксономическую сетку [5, с. 25]. На настоящий момент актуальны несколько трактовок термина: модель «трехфазового» «апологетического» ресайклинга, «постмодернистские» интерпретации, бодрийаровская «антитрадиция», а также традиционное понимание «ресайклинга» [5, с. 27]. В семиотическом и культурном плане ценным для нас представляется замечание В.Ю. Вьюгина о том, что семантика круга, традиционно ассоциируемая с ресайклингом не в полной мере «соответствует историчности культуры, ее динамике». Опираясь на фигуративный потенциал геометрической терминологии, исследователь предлагает «синусоиду, разделенную по всей длине горизонтальной и тоже изгибаемой чертой» [5, с. 30]. В верхней и нижней частях этой синусоиды будут располагаться «временные отрезки актуального бытования некоторой ценности» и «периоды ее «архивного» существования» соответственно.

Ресайклингу советского прошлого посвящен целый ряд работ, охватывающих широкий круг исследовательских вопросов и эмпирической базы: репрезентации советской жизни в современных российских сериалах [3], динамика музыкальных и смысловых кодов советской эстрады в процессе их ре-интерпретации в телепроектах [9], репрезентация нормализованного знания о советском прошлом в современной детской литературе [24], культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления [48] и др. Отдельные аспекты культурного ресайклинга рассмотрены нами в статье «Символическое наследие советской эпохи в современном социокультурном пространстве» [23]. В фокусе нашего исследования находится дискурсивный срез, в котором получают отражение объекты так называемой «ностальгии» или культурного ресайклинга. В качестве таковых выступают различные артефакты культуры, манифестирующие субстанцию про-

шлого. Селективность единиц, подвергающихся культурному ресайклингу, подчинена принципу релевантности в условиях актуальной действительности. Соответственно, номенклатура и прагматический потенциал объектов эстетического переосмысления могут видоизменяться, обнаруживая различные эмоционально-оценочные оттенки. К основным символическим ресурсам, в той или иной мере служащим источниками рассматриваемых объектов, представляется возможным отнести атрибуты государственности, топосы, речи политических деятелей, тексты песен, слоганы советских газет, плакаты, стихи и выступления общественных деятелей, писателей и поэтов (В. Лебедев-Кумач, А. Сафонов, В. Маяковский, М. Горький и др.), кинофильмы и мультфильмы советской эпохи, артефакты повседневности и другое.

Предметом нашего анализа выступают лингвосемиотические особенности культурного ресайклинга советского в интернет-мемах. Данные информационные единицы мы трактуем как «структурированный полимодальный информационный продукт, инкорпорирующий разные семиотические коды, обладающий высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом, и вирусно распространяющийся в медиaprостранстве» [21, с. 218]. Использование концептуальной рамки культурного ресайклинга при анализе актуализации символических и прецедентных элементов советского прошлого в современном дискурсивном пространстве позволяет проанализировать приобретаемые ими функциональные смыслы сквозь призму процесса культурной переработки: то, что ранее было предано забвению, стало пережитком прошлого или потеряло свою релевантность, начинает резонировать и, приобретая новые функциональные смыслы, оказывается востребованным в актуальном контексте. Междисциплинарный характер заявленного нами предмета обуславливает обращение к структурно-семантическому и дискурсивному методам анализа.

В когнитивном плане объекты культурного ресайклинга являются прецедентными феноменами (ПФ). В соответствии с классическим определением Ю.Н. Караулова, для всех видов ПФ характерны сверхличностный характер, значимость для личности в гносеологическом и эмоциональном планах, а также рекуррентность использования в дискурсивном пространстве [14, с. 216]. Отдельно взятый индивид имеет некий инвариант восприятия прецедентного феномена, однако в рамках определенного лингвокультурного сообщества существует закрепленный инвариант восприятия, содержащий «национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [11, с. 84]. Согласно Д. Б. Гудкову, И. В. Захаренко и др., прецедентное

имя и прецедентное высказывание выступают в качестве лингво-когнитивных феноменов, имеющих фиксированную форму и вербальных по своей сути. В то время как прецедентный текст и прецедентная ситуация трактуются в качестве собственно-когнитивных, подлежащих вербализации посредством вербальных феноменов, выступающих в качестве символов в определенном контексте [7, с. 101–102; 11, с. 85–86].

Разделяя мнение Л. А. Мардиевой о возникающем в рамках подобной трактовки противоречии, а также исходя из специфики практического материала исследования, мы полагаем, что методологическим основанием для исследования должен служить как классический аппарат лингвистики (а именно общепринятая классификация прецедентных феноменов) [7], так и семиотическая интерпретация некоторых терминологических понятий [19]. Состоятельность данного подхода демонстрируют исследования, посвященные семиотически осложненным текстам [20; 18; 17; 22; 47; 46; 4], в рамках которых актуализируется вопрос о более широкой трактовке прецедентности. Так, Ю. Б. Пикулева, опираясь на определение прецедентного текста, вводит понятие прецедентного культурного знака и отмечает его коммуникативную функцию как характеристику, отличающую его от культурного феномена. Прецедентные культурные знаки представляют собой «ценностные в интеллектуальном и эмоциональном отношении знаки различной природы (вербальной и невербальной)» [44, с. 149], семантика которых является результатом «свертки» в массовом обыденном сознании представления об определенном культурном феномене» [44, с. 150]. Подобное определение позволяет исследовательнице максимально расширить спектр явлений, подпадающих под понятие прецедентных, в том числе невербальных. В контексте рекламного дискурса к числу последних Ю.Б. Пикулева причисляет известные персоны, узнаваемые голоса, прецедентные графические формы (в частности, шрифты), музыкальные цитаты, культурно значимые предметы внешнего мира (например, лапти), произведения живописи, скульптуры, архитектуры, узнаваемые кадры хроники, художественных, теле- и мультипликационных фильмов, ментально значимые эмблемы и символы, типовые жесты и поведенческие формы [45].

Л. А. Мардиева пишет о визуальной прецедентности и вводит понятие прецедентного визуального образа как некоего идеального явления, под которым понимает «хранящиеся в памяти представители определенного социокультурного сообщества зрительные образы культурного пространства» [19, с. 203]. В свою очередь, прецедентный визуальный феномен рассматривается как результат объективации этого образа в иконических и вербальных текстовых структурах.

Согласно Л. А. Мардиевой, номенклатура картиноподобных прецедентных образов включает (а) визуальные и (б) вербальные образы, (в) образы произведений и невербального поведения и (г) образы предметного мира [19, с. 203]. При этом отмечается, что и вербальные образы имеют потенциал к визуализации. Подобная трактовка позволяет привлечь во внимание обширный корпус артефактов, формирующих культурное пространство вещей. Особую теоретико-методологическую ценность для исследования прецедентности феноменов советского времени представляет наблюдение о прецедентности формы, которая обосновывается на примере поздравительные открыток, изданных в годы Советской власти [19, с. 207]. Знаковое структурирование памяти в корреляции с действительностью происходит в том числе с опорой на упрощенную символическую передачу информации, некоторую форму, дискурсивный стиль или манеру, которые воспринимаются представителями определенной лингвокультуры в качестве прецедентных. Несомненно, в силу объективных временных, исторических и социальных причин многие прецедентные феномены советского периода находятся на периферии лингвокогнитивной базы молодого поколения. Однако прецедентность формы делает советскую эпоху более близкой в силу того, что форма имеет реминисцентный характер и требует меньше усилий и фоновых знаний для интерпретации.

Интернет-мемы, ставшие предметом нашего исследования, являются интегративным поликодовым семиотическим единством и характеризуется имманентной открытостью как на информативно-смысловом, так и на прагматическом уровнях. Соответственно, любой из используемых кодов потенциально может инкорпорировать реминисценции советской эпохи. Отбор практического материала исследования подчинялся критерию наличия в прецедентном элементе, получившем вербальную или невербальную реализацию в интернет-меме, семантического компонента «имеющий отношение к СССР, советский». Представляется возможным наметить несколько сфер символического наследия советской эпохи, которые в той или иной степени прецедентности фигурируют в современном дискурсивном пространстве. С одной стороны, эти феномены, имели концептуальную значимость в соответствующий исторический период, с другой стороны, из всего доступного многообразия в современных дискурсивных практиках востребованными оказываются лишь те, которые соответствуют актуальным ценностно-эстетическим ориентирам общества. Даже поверхностный диахронический анализ позволяет отметить, что некоторые элементы постепенно теряют свою значимость, в то время как другие оказываются в центре общественного внимания и получают многочисленные референ-

ции. Анализ специфики актуализации культурно-исторического наследия советской эпохи в качестве прецедентных феноменов в современном дискурсивном пространстве позволил обозначить несколько сфер / элементов формы / объектов, наиболее активно подвергшихся культурному ресайклингу в интернет-мемах:

► **1. Шрифты, надписи, плакаты.** Художественная культура советской эпохи неразрывно связана с культурой шрифта. Это графическое лицо своего времени, которое, опираясь на избирательные принципы, отражало происходящее, решало конкретные функциональные задачи и усиливало эффект вербализуемых этими знаками посланий. Стилистическая и композиционная структура типографических литер по своей сути комплиментарна по отношению к конкретному материалу и контексту. Тем не менее, именно шрифт является одним из средств эмфатизации или нейтрализации сообщения. Гармоничное использование послания и его графического оформления обеспечивают усиление коммуникативного эффекта сообщения. Так, Общесоюзный стандарт 1337 «Шрифты гартовые», принятый в 1930 г., включал семь групп гарнитур, пять из которых использовали для текстов: обыкновенные, латинские, елизаветинские, медиевальные и брусковые [1]. Самой распространённой гарнитурой стандарта был «Обыкновенный шрифт», отличавшийся вытянутыми символами с высококонтрастными переходами между тонкими и толстыми линиями. Как правило, различными вариациями этого шрифта набирали газетные тексты. Широкое распространение в текстах для массового читателя получили также брусковые гарнитурные или гротески, отличительной особенностью которых являлись равная толщина основных и добавочных линий, отсутствие подчеркиваний и утолщений в концевых элементах букв. Надписи на плакатах, заголовки газет и титулы названий отличались читабельностью, лаконичностью и простотой. Шрифтовые и изобразительные композиции были схематичны и повторяли простые геометрические формы. Как отмечает Р.А. Захаров, подобная архитектура добавляла «динамичности и некой торпливости» общему образу [12].

Размышляя о советском человеке, Т. Краус отмечает, что «В центре жизни советского человека стоял труд. Это было настолько значительно, что уже с самых ранних советских времен популярным газетным разделом стали «письма рабочих». Печатное слово имело огромное значение, оно было самой реальностью» [15, с. 22]. Во многом этот прагматический потенциал печатного слова как такового, заключенный в том числе в визуальной форме, позволяет говорить о том, что использование соответствующего шрифтового и композиционного оформления на настоящий момент воспринимается не только как реминис-

ценция советского, но и несет семы простоты, открытости, доступности, четкости, ритмичности, убедительности, недвусмысленности трактовки и эмоциональности в контексте обigatorности / категоричности. Рассмотрим приведенные ниже примеры интернет-мемов.

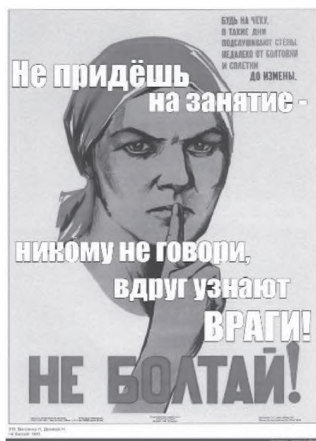

Рис.1 : Мем «Не болтай» / "Don't talk"

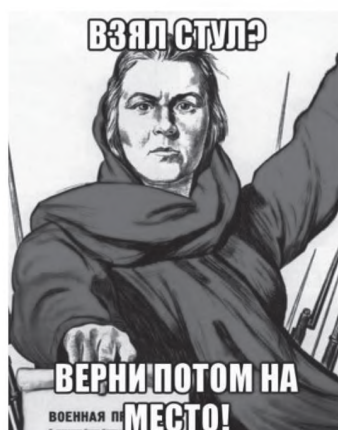

Рис.2 : Мем «Взял стул?» / "Have you taken a chair?"

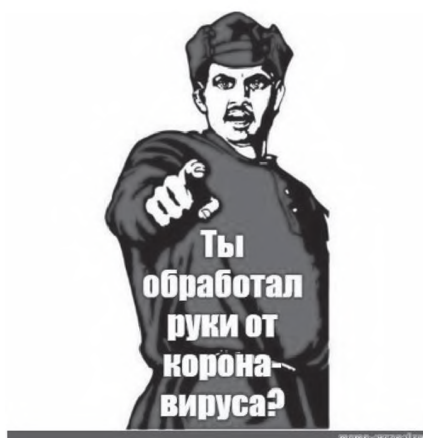

Рис.3 : Мем «Ты обработал руки?» / "Have you sanitized hands?"

Рис. 4 : Мем «А ты написал статью» / "Have you written an article?"

Невербальная часть изображений (Рис. 1–3) [34; 26; 40] представлена образами женщин с плакатов времен Великой Отечественной войны «Не болтай!» и «Родина-мать зовёт!» и красноармейца с плаката Д. С. Моора «Ты записался добровольцем?». В современной интерпретации изображения дополнены вербальными элементами-инструкциями, которые, по замыслу адресантов, актуальны в студенческой жизни и профилактике коронавирусной инфекции. Графическое оформление имеет прецедентную форму как с точки зрения использованных шрифтов, так и с позиции динамики композиционной геометрии. Агитационный посыл, заложенный в первоисточнике, реализуется в представленных текстах в более мягкой форме. В такого рода посланиях, как правило, сохраняется цветовая схема первоисточника. Как мы можем наблюдать на изображениях, представленных выше (Рис. 2-3), первичный цвет (красный) идет в сочетании с ахроматическими (черным и белым), что придает изображению яркость, контрастность и акцентность.

Необходимо отметить, что шрифт Impact, включенный в основной пакет шрифтов для веб-пакета и получивший широкое распространение благодаря Microsoft Windows, по многим характеристикам (отсутствие засечек, массивность штрихов, кучность букв и др.) напоминает брусковые гарнитуры советских времен. Данный шрифт пользуется популярностью у пользователей и часто фигурирует в надписях, заголовках и интернет-мемах. Представленный ниже пример (Рис. 4) [25] демонстрирует обыгрывание прецедентной формы советского плаката со стилизованным изображением мужчины. Голова немного наклонена вперед, взгляд обращен непосредственно на адресата, приспущенные очки добавляют образу апеллятивности. Шрифт в гротескном стиле усиливает как воздействующий потенциал сообщения, так и аллюзивность отсылки к соответствующей прецедентной форме (плакат Д. Моора 1920 «Ты записался добровольцем?»).

Леттеринг, стилизованный под рукописный почерк, был не менее популярен в советское время как в оформлении различных названий, так и материалов массовой прессы. Несмотря на то, что в отношении толщины букв и плотности их размещения леттеринг во многих случаях сохранял черты брусковых гарнитур, он использовался в материалах с менее категоричными посылами для создания атмосферы интимизации общения. Мы можем наблюдать актуализацию этой прецедентной формы в многочисленных названиях современных брендов, их продукции и иных материалах, например, марки одежды Taiga.co, Два мяча, Запорожец, Human history, Pavluque и др., концепт-логотип Крыма от А. Лебедева, логотип «Дом быта» в Санкт-Петербурге, мотокафе «Энтузиаст». Причем дизайнеры, специализирующиеся на современной отрисовке советского леттеринга, видят в этом запрос на уникальность логотипов и надписей, а также идеализацию соответствующего исторического периода [16].

► **2. Артефакты вокально-музыкального творчества.** Самобытное музыкальное наследие советской эпохи ярко манифестирует актуальные на тот период культурно-этические нормы и представлено в широком жанровом многообразии (гимны, массовая песня, жестокий романс, эстрадная песня и др.). По меткому замечанию Е. Н. Ганской, в первые десятилетия существования Советского Союза, песня, «не столько отражающая, сколько преображающая действительность», стала неотъемлемой частью «комплекса соцреалистических искусств» [6]. Учитывая потенциальное взаимодействие в песенном жанре двух семиотических кодов (вербального – текст – и невербального – музыка), в современных дискурсивных практиках референции относятся как к вербальным типам прецедентности (прецедентные имя и текст), так и к невербальным, а также смешанным. Мы не рассматриваем феномен «фантомной ретромании» в творчестве современных исполнителей [53], но полагаем, что музыкальное переосмысление во многом способствует закреплению мотивов прошлого в памяти последующих поколений, и, соответственно, прецедентности элементов этой сферы культуры в когнитивной базе социума. Вербальные типы прецедентности актуализируются в форме аллюзий на тексты песен. Так, статья в интернет-издании для девушек «Heroine» от 3 июня 2020 г. называется «Позвони мне, позвони: как работают службы доверия» [10]. Автор материала детально анализирует специфику работы экстренной психологической помощи и тех ситуаций, в которых следует за ней обратиться. Референция к шлягеру советских времен, впервые прозвучавшему в мелодраме «Карнавал» (1981), в сильной позиции текста реализует аттрактивную функцию и повышает прагматический потенциал сообщения

за счет ассоциаций с первоисточником, содержащим многочисленные просьбы о звонке, обращенные к любимому человеку. Примечательно, что статья является креолизированным текстом и содержит несколько мемоподобных изображений (например, Рис. 5) в эклектической стилистике, основными элементами которых служат фрагменты античных статуй, расположенные друг напротив друга (Давид работы Микеланджело и Венера Милосская), а также стационарные телефонные аппараты с диском, получившие широкое распространение в Советском Союзе.

Рис. 5 : Позвони мне / Call me

Скульптурные изображения людей, очевидно, демонстрируют, что психологические проблемы стары, как мир, в то время, как добротные ретро телефоны олицетворяют возможности их решения, обеспечивая надежную связь. Таким образом, ассоциации, порожаемые невербальными прецедентными феноменами, коррелируют с вербальными, создавая культурный континуум «античность – советская эпоха – современность».

Обозначенные выше строчки из песни фигурируют в многочисленных мемах как в неизменном формате, выражая свое прямое значение – просьбу о звонке, обращенную к близкому человеку, так и в измененном, семантизируя, как в примере ниже, призыв к сохранению контактов.

Рис. 6 : Мем «Позвони» / “Call”

Рис. 7 : Мем «Позвони мне ради газа» /
 "Call me for the sake of gas"

Так, мем (Рис. № 6) [35], выполненный в классическом формате демотиватора, инкорпорирует два кода: вербальный (строчки из шлягера в разноразмерном шрифте) и визуальный (изображение собаки, склонившей голову у мобильного телефона). Интерпретация сообщения не носит временной или культурной экстралингвистической обусловленности. Оба кода взаимно усиливают прагматический эффект и посыл тоски, желания общения. Мем на Рис. № 7 [36] содержит вербальную часть, которая подверглась трансформациям на формальном и содержательном уровнях (отсутствие знаков препинания и замена части оригинального высказывания «ради Бога» на «ради газа») и невербальную – изображение, само по себе не являющееся мематичным или прецедентным (фото А. Меркель: канцлер Германии (2005-2021), сидит за столом, взгляд устремлен в мобильный телефон, который она держит обеими руками). Интерпретация мема обусловлена экстралингвистическим контекстом поставок газа в Германию, вербальная часть сообщения является семантизирующим элементом, так как не только поясняет аспект ожидания, но и контекстуализирует его в предметном ключе.

Виральность музыкального произведения актуализирует его востребованность в иных поликодовых единицах, например, развернутая аллюзия на рассматриваемую песню в промо-ролике сервиса телемедицинских услуг «СберЗдоровье» [42]. Короткометражное видео, рассказывающее об удобстве формата консультации с врачом посредством смартфона, содержит следующий текст: «Позвони мне, позвони! Я отвечу даже ночью. В СберЗдоровье позвони. Позвони хочу помочь я» и имеет музыкальное сопровождение, напоминающее мелодию первоисточника. Слоганом рекламной кампании стала фраза «Позвоните врачу, которому не всё равно», подчеркивающая небезразличное отношение специалиста, ожидающего звонка потенциального пациента.

В современном дискурсивном пространстве мы можем наблюдать контексты, в которых используется перифрастическое наименование, фигурирующее в музыкальном произведении советских времен, например, название столицы России в песне «Лучший город Земли», исполненной М. Магомаевым. Заглавная строчка из песни используется в интернет-мемах, как правило, в ироничном ключе. В частности, в 2021 году по итогам рейтинга российских городов, жители которых удовлетворены уровнем жизни в агломерации, лидером была признана Тюмень. Интернет-сообщество отреагировало на новость в том числе интернет-мемами.

Рис. 8 : Мем «Тюмень – лучший город» /
 "Tyumen is the best city in the world"

Заметим, что представленный на Рис.8 [41] мем имеет раскадровку на пять компонентов. Верхний, визуально доминантный фрагмент содержит аутентично интегрированный вербальный элемент («Тюмень – лучший город Земли»), являющийся частью оригинального изображения – фотографии площади города с лаконичным памятником в центре и автобусной остановкой на заднем плане. Четыре фотографии в нижней части демонстрируют всемирно известные архитектурные сооружения, ассоциирующиеся с крупными городами или столицами в разных уголках мира. На вершине каждого из них «водружен» так называемый «Okay Guy» – мем-фейс с горькой миной, который всегда смиренно соглашается и говорит «окей».

Мы можем наблюдать повышение статуса некоторых менее титулованных произведений, что не всегда связано с расширением сферы или формата их использования в дискурсивном пространстве, однако способствует их ресайклингу в культурном плане. Так, песня «Трава у дома» (композитор В. Мигуля, поэт А. Поперечный) с 1980-х гг. сопровождает отставку экипажа космонавтов и звучит на космодроме перед каждым

новым космическим полетом. В 2009 г. государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» присвоила этому произведению статус гимна российской космонавтики, что подтверждено специальным сертификатом. Слова из песни актуализируются в интернет-мемах, имеющих низкую контекстуальную зависимость, так как невербальный код в семантическом консонансе с вербальным: «снился нам трава у дома» (вербал.) – «фото спящего кота» (невербал.) (Рис. 9) [30] или «пусть тебе приснится трава у дома» (вербал.) – «фото бескрайнего звездного неба» (невербал.) (Рис. 10) [29].

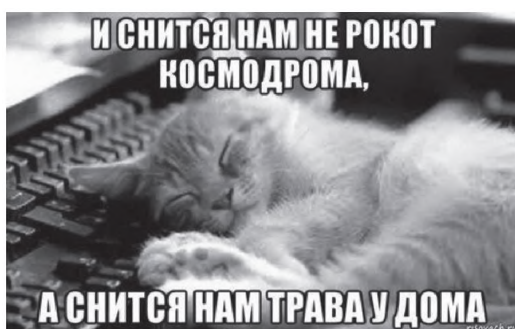

Рис. 9 : Мем «И снится нам не рокот» /
“And we are not dreaming of a roar”

Рис. 10 : Мем «Женька, спокойной ночи» /
"Good night. Zhenka"

Отдельного упоминания требует записанный в 1967 году вокализ эстрадного певца Эдуарда Хиля, в котором попеременно звучат сочетания слогов «ололо» или «трололо». В 2009 году видеозапись была опубликована на видеохостинге YouTube и, достигнув более двух миллионов просмотров, приобрела феноменальную известность в зарубежных пабликах. Интернет-пользователи прозвали Э. Хиля «мистер Трололо». Запись воспринимается как реминисценция современного интернет-жаргона и субкультуры имиджборд и актуализируется либо в формате аудио-мема, либо, как показано на Рис. 11 [39], в виде фейс-мема.

Рис. 11 : Мем «Трололо» / "Trololo"

► 3. **Глуттонические прецеденты – «вкус детства».** Данный вид отнесен нами к категории синестетических полимодальных единиц. Преимущественно ключевым кодом в таких сообщениях является невербальный – визуальный ряд, демонстрирующий некое незамысловатое блюдо или продукт, ассоциативно относящиеся к советской эпохе: сэндвич из печенья с маслом, ломтик хлеба с маслом и сахаром, пломбир в вафельном стаканчике, бутерброд с вареной колбасой, аскорбиновая кислота в таблетках, ириска, гудрон (в качестве жевательной субстанции) и др. Нотки ностальгии семантизируются посредством выражений типа: «любимый десерт», «сэндвич нашего детства», «любимый вкус (детства)», «не все поймут, но многие вспомнят», «я один вырос на этом?» и др.

Рис. 12: Мем «Сэндвич» / “Sandwich”

Рис. 13 : Мем «Любимый десерт» /
"Favourite dessert"

Как показано на рисунках выше, мемы данного типа могут быть диалогичны (Рис. 12) [37] или монологично декларативны (Рис. 13) [32]. И в том, и в другом случае изображения апеллируют к вкусовой памяти, прецедентность которых, на наш взгляд, опосредована эпохой.

► **4. Кино- и мультфильмы.** Данная тематическая категория перманентно находится в фокусе интереса интернет-пользователей, что обусловлено как культурной релевантностью и сохраняющейся популярностью кино- и анимационных произведений, так и появлением римейков, сиквелов, колоризованных версий и др. В полимодальных единицах, как правило, используются кадры, реже аудио-элементы, из кинематографических и мультипликационных произведений, которые реализуют парольную и эмоционально-оценочную функции. Так, в демотиваторе, представленном на Рис.14 [33], фигурируют два изображения (кадр из советского мультфильма «Винни Пух» (1969) и аниме-сериала «Наруто» (2004) и подпись «Мультфильмы... Многие уже забыли, как они должны выглядеть...». Ностальгическая антитеза визуальных образов задается вербальным кодом. Значения размышления или риторического приема редуцируются с одной стороны тем, что изображение слева выполнено в традиционной рисовке и, соответственно, выглядит более анахронично, с другой стороны, наличие фоновых знаний у реципиента позволит интерпретировать, какое из изображений по мысли автора является образцовым. Размещение кадров в представленном порядке также соответствует оси темпоральности и способствует восприятию предлагаемой автором диспозиции.

Рис. 14 : Мем «Мультфильмы...» / «Cartoons...»

Некоторые популярные мультипликационные фильмы (например, «Ну, погоди!» (1969-1986), «Трое из Простоквашино» (1978) и др.) обнаруживают высокий потенциал к мемовости, под которой мы понимаем способность мематических единиц коррелировать с актуальными типовыми ситуациями / экстралингвистическими контекстами, отражаемыми мемами. Подвергаясь культурному ресайклингу, эти мультфильмы (как прецедентные тексты для русскоязычной лингво-

культуры), ситуации, персонажи и их реплики (как прецедентные ситуации, имена и высказывания), формируют мематические комплексы. Мы трактуем мематический комплекс как совокупность концептуально обусловленных и объединенных референциальными элементами интернет-мемов, имеющих коммуникативный и прагматический потенциал. Проиллюстрируем наши наблюдения примерами:

Рис. 15 : Мем «Железный человек...» / «Iron man...»

Рис. 16 : Мем «Все уже было...» / «These things have already happened»

Рис.15 [28] и Рис.16 [27] демонстрируют интернет-мемы, формирующие мематический комплекс, основу которого составляют визуальные элементы из «Ну, погоди!», концептуально обусловленные идеей того, что прототипы многих феноменов повседневности были представлены в соответствующем мультфильме еще в советское время. К таковым относятся сюжетные линии или прототипы персонажей современных фильмов («Тор», «Железный человек», «Терминатор», «Мумия» и др.), технические средства и технологии (3D, селфи), компьютерные игры («GTA»), виды перформанса (косплей), жанры анимационных фильмов (аниме) и многое другое. Таким образом, мультсериал семантизируется как средоточие прообразов и идей.

► **5. Артефакты повседневности.** Анализируемая группа является одной из наиболее многочисленных, и представлена как в одиночных мемах, так и мематических комплексах, ставших

виральными. Классическим вербальным сопровождением являются фразы «Тест на возраст» или «(Только) олды помнят / вспомнят / поймут». «Олдами» (от англ. old) или «олдфагами» в интернет сообществе принято называть опытных пользователей. Актуализация советских артефактов во многих интернет-мемах прагматически ориентирована на категоризацию возраста или поколения. Данный тип мемов представлен двумя основными семантическими моделями: ретроспективной и аксиологической. В рамках ретроспективной модели в фокусе находятся темпоральность и сами объекты, которые предлагают вспомнить. Использование лексемы «олды» условно отграничивает фокус-группу, на которую рассчитано сообщение, а также имплицитно относит относительную архаичность демонстрируемых объектов. Заметим, что данная модель используется в отношении прецедентных визуальных образов / объектов, относящихся к иным эпохам и временным промежуткам.

Рис. 17: Мем «Тест на возраст» / «Age test»

Так, в примере, приведенном выше (Рис.17) [38], интернет-мем имитирует заставку телевизионной игры «Кто хочет стать миллионером?», суть которой состоит в ответе на вопросы разной сложности. Визуальный код содержит саму «загадку» – фото корешков книг с аббревиатурой «КС», которую и предполагается расшифровать. Учитывая высокую популярность чтения в советское время, книжная серия «Классики и современники» была знакома многим представителям лингвокультурного сообщества. Визуальный образ, прецедентность которого обусловлена эпохой и характерными для нее привычками, а также контраст вербализованных вариантов (компьютерная игра «Контр Страйк» и кредитная система (совокупность финансовых отношений, актуальных для современного общества), усиливают акцент на анахроничности изображения.

Аксиологическая модель, в свою очередь, демонстрирует использование прецедентного визуального образа в качестве оценочного элемента, контекстуализируемого в рамках актуальной тематики. В этом случае мы можем наблюдать развитие новых функциональных смыслов, которые имплицитно усваиваются элементами двух семиотических

кодов. В качестве примеров, иллюстрирующих реализацию данной модели, приведем интернет-мем из серии «Пыжиковая шапка».

Когда сказал «договор» вместо «оффер»

Рис. 18: Мем «Когда сказал» / «When you said»

Как видно на Рис.18, [31] вербальный код интродуцирует надпись «Когда сказал «договор» вместо «оффер»». Лингвистический контекст предлагает оппозицию стилистически нейтральное слово vs разговорное, сленговое, то есть использование универсальной лексики вместо более современной, свойственной для актуальной коммуникации. Коннотация архаичности нейтрального слова подчеркивается невербальным элементом – изображением шапки из меха пыжика, популярной в СССР. Таким образом, визуальный прецедентный образ мехового головного убора актуализирует функциональный смысл пережитка прошлого и анахронизма. Модель построения мема приобрела виральность и обусловила появление многочисленных вариаций преимущественно вербальной составляющей, оформленной по принципу контраста, например: получка – зарплата, супруга – жена, планерка – митинг, розыгрыш – пранк, зануда – душила, начальник – лид, кадровичка – HR, приبلуда – гаджет, ажиотаж – хайп, добро – хорошо, срок выполнения – дедлайн, стрём – кринж, атмосфера – вайб, для – во имя, мутный абонент – заказчик, реже невербальной – иные головные уборы (тюбетейка, шлем и др.)

Проведенный анализ позволил наметить основные сферы и элементы культурно-исторического наследия советской эпохи, наиболее активно подвергшихся культурному ресайклингу в интернет-мемах. Наряду с ностальгическими мотивами, коррелирующими с перманентно актуальными практиками воспоминания разных временных периодов, ресайклинг советского прошлого в интернет-мемах характеризуется перспективным потенциалом – артефакты советского периода приобретают новые функциональные смыслы и актуализируются в конструировании актуальных дискурсивных практик.

Источники и литература

1. Абель Е. Серп и кель: шрифты СССР. URL: <https://skillbox.ru/media/design/ussr-fonts/> (Дата обращения: 20.07.2022).
2. Абрамов Р.Н., Чистякова А.А. Ностальгические репрезентации позднего советского периода в медиапроектах Л. Парфенова: по волнам коллективной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1 (6). С. 52–58.
3. Бугаева Л. Д. Советское прошлое на постсоветском телеэкране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2022. №2 (12). С. 243–258.
4. Вольская Н. Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребенёвской азюке» – первой политической карикатуре в России // Медиаскоп. 2015. №3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf (Дата обращения: 12.09.2021).
5. Вьюгин В. Ю. «Культурный ресайклинг»: к истории понятия (1960-1990-е годы) // Новое литературное обозрение. 2021. №3 (169). С. 13–32.
6. Ганская Е. Н. Советская массовая песня как форма идеологии // Litera. 2019. № 2. С. 251–261. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29760 (Дата обращения: 20.07.2022).
7. Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология. 1997. № 4. С. 106–118.
8. Ерохина Т. И., Желтов Е. С. Репрезентация советской эпохи в отечественных комиксах // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 185–192.
9. Журкова Д. А. «Старые песни о главном»: альтернативная антология советской эстрады // Новое литературное обозрение. 2021. №3 (169). С. 148–164.
10. Зайцева Д. Позвони мне, позвони: как работают службы доверия/ 3 июня 2020 г. URL: <https://heroine.ru/pozvoni-mne-pozvoni-kak-rabotayut-sluzhby-doveriya/> (Дата обращения: 20.07.2022).
11. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В., Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.
12. Захаров Р. А. Типографика в советском рекламном плакате в период НЭПа // Гуманитарные научные исследования. 2016. №4. URL: <https://human.snauka.ru/2016/04/14905> (Дата обращения: 03.05.2022).
13. Злотникова Т. С., Куимова В. М. Ностальгия по советскому в современном медиапространстве // Ярославский педагогический вестник. 2021. №2 (119). С. 133–143.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
15. Краус Т. Размышляя о советском человеке // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников [и др.] ; под общей редакцией Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Русиной. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 18–31.
16. Левченко М. Это наша история к которой мы будем возвращаться и ностальгировать. URL: <https://design.sredaobuchenia.ru/sovietlettering> (Дата обращения: 03.06.2022).
17. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. М.: РУДН, 2020. – С. 143–148.
18. Мардиева Л. А. Виртуальная действительность: вербальные и невербальные репрезентации образов визуального поведения в текстах средств массовой информации. Казань: Отечество, 2015. 278 с.
19. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202–207.
20. Мардиева Л. А. К проблеме обозначения невербальной составляющей семиотически осложненного текста // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 155–158.
21. Марченко Т. В. Интернет-мем как феномен медиакommunikации: Типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 16 / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел: ОГИК, ООО «Горизонт», 2019. – С. 209–220.
22. Марченко Т. В. Прецедентность в дискурсах медиапространства: к проблеме исследования вербальных и невербальных феноменов // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №2. С. 143–150.
23. Марченко Т. В. Символьное наследие советской эпохи в современном социокультурном пространстве // «Дискурсы “новый человек” и “советский народ” как общность в социокультурном пространстве СССР»: сб. науч. тр. Ставрополь: Секвойя, 2022. С. 200–215.
24. Маслинская С. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. №3 (169). С. 165–178.
25. Мем «А ты написал статью» URL: <http://risovach.ru/kartinka/5759588> (дата обращения: 03.06.2022).
26. Мем «Взял стул?» URL: http://risovach.ru/upload/2014/12/mem/sovetskiy-plakat_68235996_orig.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
27. Мем «Все уже было...» URL: https://cs12.pikabu.ru/post_img/2022/04/28/12/1651178100186358941.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
28. Мем «Железный человек...» URL: <http://i.mycdn.me/i?r=AzFlxPtkV78jcmdRfpOIoyaJgIU5rgeDWat3onnQzasBmzO7EиABt8t6j6ROsg0SwU4> (Дата обращения: 03.06.2022).
29. Мем «Женька, спокойной ночи» URL: http://risovach.ru/upload/2014/03/mem/ohuenno_45050955_big.jpeg (Дата обращения: 03.06.2022).
30. Мем «И снится нам не рокот» URL: http://risovach.ru/upload/2016/10/mem/kot-spit_128100488_orig.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
31. Мем «Когда сказал» URL: <https://medialeaks.ru/1512ndi-txt-fur-hat-meme/> (Дата обращения: 03.06.2022).
32. Мем «Любимый десерт» URL: http://i.mycdn.me/i?r=AzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1RkhJJBKh_xi7k8KNRZKARscaaKTM5SRkZCeTgDn6uOyic (Дата обращения: 03.06.2022).

33. Мем «Мультфильмы...» URL: http://rusdemotivator.ru/uploads/posts/2009-12/1261604427_513163_multfilmyi.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
34. Мем «Не болтай» URL: <https://dev.meme-arsenal.com/create/meme/675066> (Дата обращения: 03.06.2022).
35. Мем «Позвони» URL: https://demotivatorium.ru/sstorage/3/2013/08/12210407266831/demotivatorium_ru_pozvoni_mne_pozvoni_27315.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
36. Мем «Позвони мне ради газа» URL: <https://www.meme-arsenal.com/memes/64098426dcbf0538b90c1a33e6999101.jpg> (Дата обращения: 03.06.2022).
37. Мем «Сэндвич» URL: https://i12.fotocdn.net/s113/8a5dc642b9e75def/public_pin_m/2542674339.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
38. Мем «Тест на возраст» URL: https://cs6.pikabu.ru/post_img/big/2015/05/27/5/1432707709_1597008814.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
39. Мем «Трололо» URL: https://img.memecdn.com/trololo_o_524794.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
40. Мем «Ты обработал руки» URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/2244176> (Дата обращения: 03.06.2022).
41. Мем «Тюмень – лучший город» URL: http://batona.net/uploads/posts/2013-04/1366609605_012.jpg (Дата обращения: 03.06.2022).
42. Музыка из рекламы СберЗдоровье. URL: <https://muzre.ru/dir/246-1-0-11422> (Дата обращения: 03.06.2022).
43. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Издательство Оникс. 2007. 1200 с.
44. Пикулева Ю. Б. О степени прецедентности советских культурных знаков в современной рекламе // Советское прошлое и культура настоящего: монография в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 148–162.
45. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
46. Пикулева Ю. Б. Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе // Советская культура в современном социопро пространстве России: трансформации и перспективы. 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf> (Дата обращения 10.11.2021).
47. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте интернета // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2020. № 1 (19). С. 140–154.
48. Секушина Ю. А. Воображая прошлое, преобразая настоящее: культурный ресайклинг советского прошлого в дискурсе осознанного потребления // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 160–182.
49. Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого: монография. Иркутск, 2013. 249 с.
50. Советское прошлое и культура настоящего: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 244 с.
51. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra : монография. Екатеринбург, 2021. 412 с.
52. Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / Sous la direction de C. Duchet et S. Vachon. Montréal (Québec): XYZ, 1993. P. 433–446.
53. Reynolds S. Retromania: Pop Culture's Addiction to its Own Past / Simon Reynolds. L.: Faber and Faber, 2011. 458 p.

References

1. Abel' E. Serp i kegl': shrifty USSR (The sickle and the type size: the types in the USSR). URL: <https://skillbox.ru/media/design/ussr-fonts/> (Accessed: 20.07.2022). (In Russian).
2. Abramov R. N., Chistyakova A. A. Nostal'gicheskie reprezentatsii pozdnego sovetskogo perioda v mediaproektakh L. Parfenova: po volnam kolektivnoi pamyati (Nostalgic representations of the late Soviet period in the media projects by L. Parfenov: on the waves of collective memory) // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovani kul'tury. 2012. No. 1 (6). P. 52–58. (In Russian).
3. Bugaeva L. D. Sovetskoe proshloe na postsovetskom teleekrane (The Soviet past on the post-Soviet television screen) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. 2022. No. 2 (12). P. 243–258. (In Russian).
4. Vol'skaya N.N. Pretsedentnye verbal'no-vizual'nye fenomeny kak osnova istoriografii v «Terebenevskoi azyuuke» – pervoi politicheskoi karikature v Rossii (Precedent Verbal-Visual Phenomena as the Basis of Historiography in "Terebenevskaya Azyuuk" – the First Political Caricature in Russia) // Mediaskop. 2015. No. 3. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25070995_46904122.pdf (Accessed: 12.09.2021). (In Russian).
5. V'yugin V. Yu. «Kul'turnyi resaikling»: k istorii ponyatiya (1960-1990-e gody) ("Cultural recycling": on the history of the concept (1960–1990s)) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 3 (169). P. 13–32. (In Russian).
6. Ganskaya E.N. Sovetskaya massovaya pesnya kak forma ideologii (Soviet mass song as a form of ideology) // Litera. 2019. No. 2. P. 251–261. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29760 (Accessed: 20.07.2022). (In Russian).
7. Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Bagaeva D. V. Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy (Some features of precedent utterance functioning) // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. 1997. No. 4. P. 106–118. (In Russian).
8. Erokhina T. I., Zheltov E. S. Reprezentatsiya sovetskoi epokhi v otechestvennykh komiksakh (Representation of the Soviet era in national comics) // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2021. No. 1 (24). P. 185–192. (In Russian).
9. Zhurkova D.A. «Starye pesni o glavnom»: al'ternativnaya antologiya sovetskoi estrady ("Old songs about the main thing": an alternative anthology of the Soviet stage) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 3 (169). P. 148–164. (In Russian).
10. Zaitseva D. Pozvoni mne, pozvoni: kak rabotayut sluzhby doveryiya (Call me, call me: how emergency services work) 3 iyunya 2020 g. URL: <https://heroine.ru/pozvoni-mne-pozvoni-kak-rabotayut-sluzhby-doveriya/> (Accessed: 20.07.2022). (In Russian).
11. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V., Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imya kak simvoly pretsedentnykh fenomenov (Precedent statement and precedent name as symbols of precedent phenomena) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. 1997. Issue. 1. P. 82–103. (In Russian).

12. Zakharov R. A. Tipografika v sovetskom reklamnom plakate v period NEPa (Typography in the Soviet advertising poster during the NEP period) // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2016. No. 4. URL: <https://human.snauka.ru/2016/04/14905> (Accessed: 03.05.2022). (In Russian).
13. Zlotnikova T. S., Kuimova V. M. Nostal'giya po sovetskomu v sovremennom mediaprostranstve (Nostalgia for the Soviet in the modern media space) // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2021. No. 2 (119). P. 133-143. (In Russian).
14. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' (The Russian language and the linguistic persona). Moscow: Nauka, 1987. 263 p. (In Russian).
15. Kraus T. Razmyshlyaya o sovetskom cheloveke (Reflecting on the Soviet man) // Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra / V. M. Amirov, A. V. Antoshin, V. I. Bortnikov [i dr.] ; pod obshchei redaktsiei Yu. V. Matveevoi, Yu. A. Rusinai. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2021. P. 18–31. (In Russian).
16. Levchenko M. Eto nasha istoriya k kotoroi my budem vozvrashchat'sya i nostal'girovat' (This is our history to which we will return and be nostalgic). URL: <https://design.sredaobucheniya.ru/sovietlettering> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
17. Mardieva L. A. Vizual'naya pretsedentnost': teoreticheskie i prikladnye aspekty (Visual Precedence: Theoretical and Applied Aspects) // Voprosy sovremennoi lingvistiki i izucheniya inostrannykh yazykov v epokhu iskusstvennogo intellekta. Moscow: RUPF publ., 2020. P. 143–148. (In Russian).
18. Mardieva L. A. Virtual'naya deistvitel'nost': verbal'nye i neverbal'nye reprezentatsii obrazov vizual'nogo povedeniya v tekstakh sredstv massovoi informatsii (Virtual Reality: Verbal and Nonverbal Representations of Visual Behavior in Media Texts). Kazan': Otechestvo, 2015. 278 p. (In Russian).
19. Mardieva L. A. Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) (Collective cultural memory of society (precedent visual images and phenomena) // Vestn. Perm. un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2011. No. 3 (15). P. 202–207. (In Russian).
20. Mardieva L. A. K probleme oboznacheniya neverbal'noi sostavlyayushchei semioticheski oslozhnennogo teksta (On designating the non-verbal component of a semiotically complicated text) // Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). P. 155–158. (In Russian).
21. Marchenko T. V. Internet-mem kak fenomen mediakommunikatsii: Tipologicheskie kharakteristiki i potentsial pretsedentnosti (Internet meme as a phenomenon of media communication: typological features and precedence potential) // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr. – vyp. 16 / ed by A.G. Pastukhov. Orel: OGIK, OOO «Gorizont», 2019. – P. 209–220. (In Russian).
22. Marchenko T. V. Pretsedentnost' v diskursakh mediaprostranstva: k probleme issledovaniya verbal'nykh i neverbal'nykh fenomenov (Precedence in media discourses: on the study of verbal and non-verbal phenomena) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2021. No. 2. P. 143–150. (In Russian).
23. Marchenko T. V. Simvol'noe nasledie sovetskoi epokhi v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve (The symbolic heritage of the Soviet era in the modern socio-cultural space) // «Diskursy "novyi chelovek" i "sovetskii narod" kak obshchnost' v sotsiokul'turnom prostranstve SSSR»: sb. nauch. tr. Stavropol', 2022. P. 200–215. (In Russian).
24. Maslinskaya S. Magiya pionerskoi simvoliki: sovetskoe proshloe v sovremennoi detskoj literature (The magic of pioneer symbols: the Soviet past in modern children's literature) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 3 (169). P. 165–178. (In Russian).
25. Mem «A ty napisal stat'yu» URL: <http://risovach.ru/kartinka/5759588> (Accessed: 03.06.2022).
26. Mem «Vzyl stul?» URL: http://risovach.ru/upload/2014/12/mem/sovetskiiy-plakat_68235996_orig.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
27. Mem «Vse uzhe bylo...» URL: https://cs12.pikabu.ru/post_img/2022/04/28/12/1651178100186358941.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
28. Mem «Zheleznyi chelovek...» URL: <http://i.mycdn.me/i?r=AzFlxPtKv78jcmdRfpOYajglU5rgeDWat3onnQzasBmzO7EuABt8t6j6ROsg0SwU4> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
29. Mem «Zhen'ka, spokoinoi noch'i» URL: http://risovach.ru/upload/2014/03/mem/ohuenno_45050955_big.jpeg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
30. Mem «I snitsya nam ne rokot» URL: http://risovach.ru/upload/2016/10/mem/kot-spit_128100488_orig.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
31. Mem «Kogda skazal» URL: <https://medialeaks.ru/1512ndi-txt-fur-hat-meme/> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
32. Mem «Lyubimy desert» URL: http://i.mycdn.me/i?r=AzEPZsRbOZEKgbhR0XGMT1RkhJBKh_xl7k8KNRZKARscaaKT M5SRkZCeTgDn6uOyic (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
33. Mem «Mul'tfil'my...» URL: http://rusdemotivator.ru/uploads/posts/2009-12/1261604427_513163_multfilmyi.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
34. Mem «Ne boltai» URL: <https://dev.meme-arsenal.com/create/meme/675066> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
35. Mem «Pozvoni» URL: https://demotivatorium.ru/sstorage/3/2013/08/12210407266831/demotivatorium_ru_pozvoni_mne_pozvoni_27315.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
36. Mem «Pozvoni mne radi gaza» URL: <https://www.meme-arsenal.com/memes/64098426dcbf0538b90c1a33e6999101.jpg> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
37. Mem «Sendvich» URL: https://i12.fotocdn.net/s113/8a5dc642b9e75def/public_pin_m/2542674339.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
38. Mem «Test na vozrast» URL: https://cs6.pikabu.ru/post_img/big/2015/05/27/5/1432707709_1597008814.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
39. Mem «Trololo» URL: https://img.memecdn.com/trololo_o_524794.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
40. Mem «Ty obrabotal ruki» URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/2244176> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
41. Mem «Tyumen' – luchshii gorod» URL: http://batona.net/uploads/posts/2013-04/1366609605_012.jpg (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).

42. Muzyka iz reklamy SberZdorov'e (Music from SberHealth advertising). URL: <https://muizre.ru/dir/246-1-0-11422> (Accessed: 03.06.2022). (In Russian).
43. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language). Moscow: Izdatel'stvo Oniks. 2007. 1200 p. (In Russian).
44. Pikuleva Yu. B. O stepeni pretsedentnosti sovetskikh kul'turnykh znakov v sovremennoi reklame (On the degree of precedence of Soviet cultural signs in modern advertising) // Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego: monografiya v 2 t. T. 1. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta, 2009. P. 148–162. (In Russian).
45. Pikuleva Yu. B. Pretsedentnyi kul'turnyi znak v sovremennoi televizionnoi reklame: lingvokul'turologicheskii analiz (Precedent cultural sign in modern television advertising: linguoculturological analysis): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2003. 22 p. (In Russian).
46. Pikuleva Yu. B. Pretsedentnye kul'turnye znaki sovetskogo vremeni v kommercheskoi i politicheskoi otechestvennoi reklame (Precedent cultural signs of the Soviet era in national commercial and political advertising) // Sovetskaya kul'tura v sovremenном sotsioprostranstve Rossii: transformatsii i perspektivy. 2008. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1828/2/Part2%202008-12.pdf> (Accessed: 10.11.2021). (In Russian).
47. Radbil' T. B., Pomazov A. I. Pretsedentnye fenomeny kak sredstvo sozdaniya attraktivnosti v polikodovom tekste internet (Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet) // Vestnik VolGU. Seriya 2, Yazykoznanie. 2020. No. 1 (19). P. 140–154. (In Russian).
48. Sekushina Yu. A. Voobrazhaya proshloe, preobrazhaya nastoyashchee: kul'turnyi resaikling sovetskogo proshlogo v diskurse osoznannogo potrebleniya (Imagining the Past, Transforming the Present: Cultural Recycling of the Soviet Past in the Discourse of Conscious Consumption) // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2021. No. 4. P. 160–182. (In Russian).
49. Sovetskoe kak diskursivnyi fenomen: sposoby kontseptualizatsii proshlogo: monografiya. Irkutsk, 2013. 249 p. (In Russian).
50. Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego (Soviet as a discursive phenomenon: ways of conceptualizing the past). Ekaterinburg, 2009. 244 p. (In Russian).
51. Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra (Soviet man: for and against = Homo soveticus: pro et contra). Ekaterinburg, 2021. 412 p. (In Russian).
52. Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / Sous la direction de C. Duchet et S. Vachon. Montréal (Québec): XYZ, 1993. P. 433–446.
53. Reynolds S. Retromania: Pop Culture's Addiction to its Own Past / Simon Reynolds. L.: Faber and Faber, 2011. 458 p.

Сведения об авторе

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / tatiana-marchenko-25@yandex.ru
Адрес: 355017, д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Marchenko Tatiana V. – PhD in Philology, Associate professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / tatiana-marchenko-25@yandex.ru
The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.